

The background of the cover is a dark, atmospheric illustration. It features a central figure, a man with long hair and a beard, wearing a dark, heavy cloak, standing with his back to the viewer. He is looking towards a bright, glowing light source in the distance. The scene is framed by large, muscular, blue-skinned hands or arms that appear to be holding or supporting the central figure. The overall color palette is dominated by deep blues, teals, and oranges, creating a sense of mystery and depth.

Очерки безумия

Ульфсон Фольгар

Фольгар Ульфсон

Очерки безумия

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69555535

SelfPub; 2023

Аннотация

Несколько коротких рассказов, написанных в ходе кухонных бесед, пытающихся как-то передать некоторые тенденции мыслей, отразить внутриличностные проблемы человека.

Содержание

Фольгар Ульфсон

Очерки безумия

Звук шагов, казалось, ударялся о невидимую преграду и тут же затухал, будто растворяясь в звукоизоляции.

Он шагнул в помещение, вернее, правильно было бы сказать, в нечто. Оно не имело определенной формы, изменялось с течением времени, которое, казалось, замерло, но тем не менее неумолимо спешило. Стены были цвета льда, но переливались от кристальной прозрачности до абсолютной непроглядности.

Человек шел, ступая среди множества статуй, застывших в нелепых формах. Они будто бы тянулись туда, к обрыву, но лица изображали агонию, будто нечто тянуло их против их воли, причиняя боль. Их было много, сначала десятки, потом многие сотни и становилось все больше. Каждый зал был забит ими.

Странник остановился и посмотрел наверх. Там, где-то очень высоко, блестело белое пятнышко, отбрасывая лучи, будто через ледяную призму. Он сделал шаг и услышал хруст, будто бы кто-то тяжелым башмаком наступил на хрупкий стеклянный бокал. Он глянул вниз. Фигура, как будто запертая в ловушке изо льда, простирала кверху руки, то ли прося о помощи, то ли молясь. На одной из кистей не было пальцев, а рядом лежала небольшая кучка крошки.

Он пошел дальше, не обращая более внимания на хруст, который раздавался с каждым шагом.

Материя вокруг начала меняться, приобретая черты готических храмов, но все так же переливаясь темным холодным цветом. На стенах появились линзы кристальной чистоты, похожие на витражи. Однако за ними не было голубого неба и белых облаков, не было туч и капель дождя. Вообще ничего не было. Мрак сочился оттуда, но был совершенно другим. Это было нечто ледяное, что невозможно потрогать, лишь ощутить внутри себя, ведь в каждом жила частичка этого.

Странник шел дальше. Статуи стояли плотными рядами, заслоняя проход, будто бы собрались на смотр. Он свалил несколько штук, затем ломал им ноги, просто сваливая в сторону. Путь сильно замедлился, но тем не менее он упорно шел вперед. Туда, где находилось то, что влекло его. Влекло их всех, каждое создание, каждую частицу вещества.

Время, на котором все так зациклены в обычной жизни, здесь не имело никакого смысла. Оно было неким параметром, который как бы отсутствовал здесь. Да и самое понятие «здесь» никак не было связано с этим местом. Это место – одновременно все, весь мир, собранный в единой точке, сжатый и изуродованный, и одновременно ничего. Этого всего не могло существовать, просто потому, что не могло. Но оно было.

По залу прокатывался грохот падающих фигур. Несколь-

ко раз странник будто бы слышал стоны и всхлипы. Но разве может такая мелочь остановить его. Его, стремящегося туда, вглубь. Он не знал, что его там ждет, поэтому он шел, повинувшись некоторому внутреннему желанию. А оно тянуло, неумолимо тянуло. Не позволяло останавливаться. Любое промедление он считал за унижение, а это причиняло боль.

Все ближе, он чувствовал, как становится ближе к своей цели. Вот-вот и сможет прикоснуться к ней. Многие предшественники уже дошли до этого, и оно было совсем близко.

Он преодолел последний ряд и... Все. Далеко ровная поверхность пола, а больше – ничего. Вокруг исчезли колонны, стены, даже потолок. Исчезла сама материя. Исчезло само понятие реальности. Воздух, будто заряженный озоном после грозы, стал как натянутая нитка, которая может лопнуть при одном-единственном вдохе. Воздух стал вязкий и тяжелый.

Каждый шаг давался все труднее, и каждое движение клонило его вниз. Но он шел. Плащ все крепче обнимал плечи и стал настолько тяжелым, будто бы был из металла, а не из обыкновенной шерсти.

Странник шел. Шел, преодолевая себя, преодолевая физические возможности живого существа. Он буквально чувствовал на себе взгляд тысяч глаз тех, кто остался позади. Их лица, по-прежнему изображавшие агонию, теперь уже не казались таковыми. Они выражали гнев и желание уничто-

жить любого, кто продвинулся дальше, чем они.

Странник был жив, но уже почти не двигался. Его ноги подкосились, и он упал на колени. Сложно сказать, сколько прошло времени, ведь оно столь неуловимо, но, собрав силы, он скинул с себя плащ и последние одежды. Мгновенно спала тяжесть. Он встал и двинулся вперед, прежде взглянув на тех, кто остался позади.

Через несколько шагов пропало все. Все, что можно было бы счесть реальным, исчезло. Теперь впереди лишь что-то мерцало таинственным светом, оттенки которого перемешивались в абсурдном танце, исторгая из этого невероятно-го соития все более и более изощренные оттенки.

Странник будто приближался к этому свечению, но шел он не по полу. Под его ногами была самая что ни на есть настоящая тьма. Тьма настолько густая, что ее можно было держать в руках, изменять ее форму и снова растворять в безграничье себе подобной пустоты.

Странник сделал еще несколько шагов, как почувствовал легкое дуновение ледяного ветерка. Затем спустя еще несколько шагов это был стремительный порыв ветра, обволакивающий и пронизывающий до самых костей.

Но он стих так же неожиданно, как и появился, и странник все быстрее приближался к таинственному мерцанию. Он чувствовал, как сердце бьется быстрее, как изнутри наполняет жар, на лбу выступил пот.

Резкий и сильный порыв ветра ударил его в спину. Теперь

он пытался удержаться, чтобы не начать скользить. Но порыв оказался недолгим. Теперь, когда он закончился, странник бежал туда, к свечению, в сторону, куда подул внезапный порыв.

Несколько широких шагов, и он оказался у края. Это походило на огромную воронку, будто огромных размеров метеорит упал сюда, но... Здесь не могло этого быть. Здесь нет звездного неба, здесь вообще ничего нет, только лишь мрак и пустота, но тем не менее здесь была и воронка. Свечение шло откуда-то снизу, оттуда, куда стремились все. Оттуда изливалась реальность, мощь и сила, время, но там же оно и оставалось. Лишь тонкие лучики таинственного света вырвались оттуда, но туда же и улетали.

Странник глубоко вздохнул. Если бы он мог улыбнуться, то непременно сделал бы это, вместо этого тихо шагнул вперед. Падение длилось неопределимо долго. Рядом с ним летел луч, будто бы соревнуясь, кто первый. Странник простер руки и обнял его, прижал к себе так сильно, как только могли его уставшие руки.

Бездна. Ледяная темнота, пустое нечто, всепоглощающая... Приближалась. Он чувствовал, что то, ради чего он пришел сюда, уже совсем близко. Еще несколько мгновений, и он будет тем, кто смог достичь этого. Многие неудачники замерзли, превратившись в статуи. Многие оказались заточены во льдах, как в тюрьме, однако оставались живы, и их питала надежда, что когда-нибудь они покинут ее и достиг-

нут своей цели. Но он, он смог сделать это. Он дошел.

Внизу почти беззвучно раскрылась пасть, полная острых, как бритва, конусовидных зубов, между которыми была натянута вязкая паутина слюны. Множество щупалец, окружавших ее, вскинулись ввысь, будто караул. Попав внутрь, странник впервые за свое путешествие ощутил страх. Затем отчаяние. Но через некоторое время понял. Ему суждено было оказаться здесь.

Сверху так же беззвучно захлопнулись челюсти.

* * *

Белая округлая форма отражалась в безмятежной поверхности воды. Еще немного, и она покроется тонкой коркой льда, а через неделю по нему будут ездить многотонные механизмы. Он их выдержит. Но это будет потом. Пока же перед водой сидела фигура. В руках у нее была веточка ивы, которая опускалась, едва касаясь воды, и снова поднималась. Глаза фигуры устало смотрели на расходящиеся круги на воде, нарушавшие ее спокойствие. Безмятежность – вот что занимало ее мысли. Безмятежность. То, к чему стремится каждый, когда осознает усталость от мира, существ, времени. Фигура еле шевелила губами, шепча что-то себе под нос. Вокруг стояло множество деревьев, сбрасывающих последние листья. Пусть днем это выглядело красиво, однако ночью или, вернее сказать, поздним вечером это вызывало ди-

кую тоску и непередаваемое ощущение бессилия перед временем. Фигура, сторбившись, укутывалась в козлиную шкуру и уже громко разговаривала со своим отражением в воде.

Случилось это после времен Великого Раскола. Все было в руинах, везде сновали банды, а непонятные люди заполнили большаки. Многие деревни были сожжены, во многих просто никого не осталось. Зачастую можно было увидеть остовы и множество колов с насаженными на них людьми. Везде были трупы: кто-то умер сам, кто-то не вынес лишений, кого-то убили из-за денег или еды, а кого-то просто ради забавы.

Город, стоящий у подножия горы, на которой располагался замок, давно превратился в безлюдное нечто. Каменные клетки, что были домами, теперь населяли в основном крысы или птицы. Редко кого можно было увидеть на улицах, а если видели, то все прятались.

Что можно было встретить в некогда цветущем городе, центре торговли, светоче науки и столице государства? Трупы, разруху, боль, отчаяние и зловоние. Те, кто не умер от войны, умирали в мучениях, агонии от пожиравших их болезней. Зараженные сразу же становились изгоями общества, но болезнь всегда находила лазейки. Сначала был заражен рыбный рынок. Именно там первый раз появился человек, страдающий последней стадией – безумием. Квартал был оцеплен стражей, и никто не мог выйти оттуда. Затем заражение перекинулось на Большой Рынок и купеческий

квартал. Уже тогда ученые мужи били тревогу, призывая людей уезжать из города, но их никто не слушал.

Через неделю стены всего города были измазаны кровью. Зараженные сходили с ума, резали каждого, кто попадался под руку, а их кровью рисовали таинственные знаки на стенах. Они сбивались в группы и рыскали по огороженным кварталам в поисках новых жертв. Эпидемия не дошла только до замка. Именно там укрылась аристократия, духовенство и богатые купцы. Обычные люди и стражники пытались противостоять толпам безумцев. Некоторые районы защищались долго. Отражали многие атаки. Однако вскоре и в них начинали появляться симптомы заражения, островков здоровых становилось все меньше.

Безумцы, взявшие в руки оружие, с яростью загнанного в угол зверя резали друг друга, но в один миг они спустились в катакомбы. Сотни, нет, тысячи человек ушли под землю. Немногие выжившие старались не появляться на улицах, не шуметь, да и просто не подавать признаков жизни. Распространение инфекции на этом не кончилось. То тут, то там у какого-то человека или семьи проявлялись признаки инфекции. Но спустя некоторое время они сами уходили в катакомбы. Оставшиеся люди завалили множество ходов, оставив лишь несколько, чтобы новые зараженные могли уйти.

Прошло несколько лет, город опустел, а заражение будто прекратилось.

И вот новые поселенцы осторожно начинали его заселять.

От выживших они узнали, что творилось в городе, и с опаской смотрели на оставшиеся проходы в катакомбы. По мере заселения горожане становились все более уверенными, когда была восстановлена городская стража, была предпринята первая попытка узнать, что творится там, внизу. Группа из нескольких бойцов отправилась вниз, другая же была послана наверх, в замок. То, что увидели люди в цитадели, никого не удивило. Их встретила та же картина, что и в городе – трупы, исписанные кровью стены, зловоние и крысы.

Группа же, ушедшая в подземелья, шла по кровавым следам. Последний зараженный отправился туда несколько месяцев назад, и его следы можно было различить. Спускаясь все глубже и глубже, стражники видели иссушенные тела, однако немного.

Город вырос на месте деревушки, которая занималась разработкой горных жил, поэтому катакомбы представляли собой сеть пещер и штолен.

В этих шахтах никого уже не должно было быть, однако стражи были готовы поклясться, что откуда-то снизу слышались шорох, кашель.

Стражи продолжали спускаться все дальше и дальше. Через некоторое время они свыклись с полной темнотой, оставляя фонари в местах развилок как ориентиры.

Вдруг в темноте мелькнула чья-то фигура. Капитан Мартин готов был поклясться, что видел кого-то или, вернее сказать, что-то. Ведь то, что он видел, вряд ли можно было

счесть за человека. Существо мелькнуло и скрылось где-то в глубине.

Страх, охвативший стражников, не давал им двигаться. Они вдруг поняли, что за ними с самого момента спуска кто-то наблюдает. Что они далеко не одни в этих темных бесконечных пещерах.

Прочитав несколько молитв, стражи двинулись дальше. Туда, где мелькнуло непонятное существо, туда, откуда начал исходить жар.

Штольня выводила в зал, в центре которого находилось некое создание. Оно было настолько огромным, что невозможно было понять, где у него и есть ли вообще голова. Мартин и стражники боялись к нему приближаться, предпочитая осмотреть издалека.

Существо будто бы росло из-под земли, хотя все готовы были поклясться, что оно не росло оттуда, а просто вылезало откуда-то с еще большей глубины. Кожа его была прочной, хоть ее и пронизывали огромные пульсирующие вены.

Внезапно существо начало надуваться, увеличиваясь в размере, будто жирея, а затем по туннелям пронесся теплый ветер, пусть и не самый приятный по запаху. Откуда-то в зале появилась сморщенная фигура. Это был голый и невероятно худой старик. Он хотел сказать что-то, но рот без языка и впавшие губы делали это невозможным. Он медленно воздел к ним руку, после чего приложил ладонь к существу. Мгновение спустя оно начало поглощать его. Старик будто

тонул в нем.

По форме оно напоминало огромного жирного слизняка, однако кожа по структуре больше походила на дерево. Это было нечто среднее между слизняком и деревом, и оно было живым. Стражники слышали тихий топот маленьких бесчисленных лап и чувствовали пристальный голодный взгляд сотен тысяч глаз. Здесь, именно здесь жило нечто, отравившее город, именно здесь покоился корень проблем или... Или, быть может, это все стражникам просто казалось, может, из-за недостатка кислорода и обилия серы они давно потеряли сознание, и это коллективные видения? Нет. Оно было реальным. И тысячи мордочек, увенчанные красными глазками, тоже были реальны. Но реальность эта была лишь отчасти.

Стражники стояли посреди куч разлагающихся тел, в пещере стоял аромат зловония, и мухи роились над терриконами, между которыми сновали бесчисленные полчища крыс. Гигантское существо то сокращалось, то растягивалось, издавая отвратительное чавканье, по его шершавой коже стекала слизь, и любой касавшийся ее уже не мог отнять руку и медленно поглощался этим существом. Слизь разъедала плоть, металл, одежду, а полученная каша втягивалась в поры.

Спустя некоторое время стражники стояли на коленях, воздевая руки к неведомому созданию, принимая его за бога и преклоняясь перед ним. В это время голодные крысы ма-

ленькими, но острыми зубками отрывали куски свежей плоти.

«Это корень всего», – самозабвенно произнес Мартин. Последний фонарь погас, и слуги императора утонули во мраке.

Еще долгое время никто не решался спуститься в пещеры. Город почти полностью восстановился после эпидемии, дома и улицы были отмыты, в замке заседал новый феодал, а на площадь постоянно тянулись купцы. Но рано или поздно должны были найтись храбрецы, которые попытаются узнать, что же там внизу. Несколько групп отправлялось внутрь через разные входы. Но вернулся лишь один человек.

* * *

Золото. Что это? Цветной металл, предмет роскоши, материал отделки? А что такое камни? Сапфир, подобный глубокому синему морю, или рубин, яркий будто кровь, прозрачный топаз или невероятно твердый алмаз. Что все это? Чем оно является в своей изначальной сущности и какой смысл придают этим как бы редким, но в то же время заурядным вещам?

Все эти вещи, как и многие другие, могли храниться долгими веками в пещерах, охраняемые великолепными и смертоносными существами. Они жили высоко в горах, спускаясь лишь изредка, чтобы украсть несколько коров или, если

удастся, разграбить караван торговцев, поживиться и унести в свою пещеру очередную побрякушку.

Есть же те, причем среди представителей людского рода, кто ценит золото больше жизни. Из-за него начинаются войны, совершаются убийства, создаются и ломаются жизни. Все ради какого-то жалкого кусочка презренного металла.

Есть люди, которые, обретя весомое богатство, тратят его, вкладывая в фабрики, заводы, мануфактуры и многое другое, другие же, как драконы, забирались на кучу золота и сидели на ней, не слезая, боясь покинуть свое насиженное место. Боясь, что кто-то может, нет, не украсть, а лишь позариться на это гору золота.

А что было золото для простого наемника? Это его жизнь. То, ради чего он шел на службу, то, ради чего убивал себе подобных, получал тяжелые и смертельные ранения, поломанные копытами кости, сломанную жизнь. Но жизнь. Для наемника без разницы, кого убивать, лишь бы платили жалование исправно: в срок и в полном объеме, а желательно еще и сверху.

Таким был и кортес Альберто Хуан де Тинто. Всю жизнь прослужив в пехоте, повидав огонь, и воду, и медные трубы, он скопил некоторую сумму, на которую собирался купить большой особняк и жениться на знатной даме. Этот человек никогда не стеснялся идти по головам, он убивал, грабил, насиловал и сжигал.

Вернулся в мирную жизнь он уже совершенно другим.

Его план сработал. Большой, по меркам обычных людей, особняк стоял на холме, а вокруг простирались поля.

Графиню, на которой женился, он не любил, но ради приличий соблюдал вид любящего мужа, однако большую часть времени устраивал своеобразные пиры и попойки в компании проституток, хоть и дорогих, и некоторых своих приятелей.

Домом он также не занимался, оставив его на попечительство своей супруги. Она разбила большой прекрасный сад, в котором в период цветения благоухало столь диковинно, что на некоторое время графиня забывала обо всем. По контуру его стояло множество хвойных деревьев, прекрасно защищавших от ветра.

Дом быстро наполнился всякими диковинками, которые Альберто добыл в течение своей службы. К нему заезжали его сослуживцы, как и он, выбившиеся в люди. В доме быстро появился аппарат, проигрывающий музыку, заводной соловей, часы с миниатюрами, которые показывали представление каждые два часа. Подвал ломился от редчайших дорогих вин, а в оружейной он складировал оружие.

Но время тянулось. Общество проституток ему наскучило, вино больше не доставляло удовольствие, прогулки и драки также не вызывали энтузиазма. Он начал чувствовать, что стареет. В зеркале отражался уже не тот молодой человек, который с пикой, в тесной фаланге шел на «мангос» мушкетеров. Нет. Теперь оттуда смотрел дряхлеющий че-

ловек. Лицо подплыло, покрылось морщинами, даже взгляд уже был не тот. Это его весьма удручало.

Однажды мимо его дома проходил путник, один из тех, кто просит милостыню и рассказывает «правдивые» истории – попросту слухи. Жена кортеса уговорила его пустить проходимца в дом, дать тому обогреться и поесть.

Наевшись и напившись, он стал рассказывать истории. Большая часть из них была про города, в которых он побывал, про людей, которые гнали его отовсюду. Но были и другие. Рассказы про таинственные смерти в деревнях и мелких городках, про изуродованные трупы и про ужасный топот, который слышится незадолго до нападения.

Супруга Альберто была заморожена этими рассказами. Она выпытывала у путника каждую мелочь, в то время как сам кортес вспоминал былые дни. Он сам не понаслышке знал, что значит убивать и грабить, поэтому на его лице блуждала едва заметная улыбка.

Наконец незнакомец собрался уходить. Он вежливо поблагодарил хозяев за прием и еду и открыл дверь на улицу. Там лил дождь, а на горизонте сверкали молнии. Супруга кортеса настояла, чтобы он остался с ними, пока не пройдет дождь.

Кортес же продолжал пить и вспоминать былое, а поэтому против предложений жены не возражал. Быть может, если бы рассказ про нападения и грабежи не напомнил ему о его молодости, тогда бы он вышвырнул этого проходимца.

Путнику выделили место рядом с очагом и собаками. Он улегся и тут же заснул. Кортес еще некоторое время сидел за столом, слушал музыку и предавался воспоминаниям. Так он и заснул, держа бокал в руке.

Проснулся он глубокой ночью. В голове отзывались последствия алкоголя. Он осмотрелся и увидел псов, мирно дремлющих у камина, но странного человека не было. Кортес пошел к лестнице и стал подниматься по ней. Попойка отдавалась ему желанием подстрелить какую-нибудь дичь, как они, наемники, делали во время своих походов. Он привычно ощупывал место, где у него всегда висел кинжал, сжимал его рукоятку. Пистолетная кобура же была пустой. Подойдя к двери, он услышал скрип кровати и стоны супруги.

Ярость накатила на кортеса. Выбив ногой дверь, он увидел на своей постели жену с путником.

Гнев обуял его. Он схватил кинжал и отточенными движениями лишил жизни обоих. Картина предстала ужасающей, мгновенно старик стал тем, кем был всю свою жизнь. Его плечи расправились, сила в руках и ногах прибавилась. Он почувствовал, как его зовут. Зовут на битву. Гремит гром сражения, и богиня войны решает исход битвы. Гром – это удары ее меча по щиту, а молнии – это искры, которые они высекают.

Через некоторое время дом полыхал красным пламенем, а всадник в черном скакал сквозь ночную мглу. Он слышал приближающийся звук битвы, с каждой секундой он стано-

вился все ближе. Кортес все сильнее подгонял коня, который уже исходил пеной.

Многие фермеры готовы были поклясться, что видели дьявола, несущегося сквозь ночь. Несколько человек поутру нашли мертвыми со следами, оставленными саблей.

Альберто сильнее стегал коня. Казалось, что осталось лишь перевалить ближайший холм – и вот, вот она, битва, но... Конь бежал все медленнее, несмотря на сильные удары хлыста, затем захрипел, остановился и упал. Альберто же ударился головой о камень, и, несмотря на то что шлем смягчил падение, разум кортеса помутился.

С тех пор он бегаёт, завернутый в смирительную рубашку, по палате и кричит, что он бог войны.

Дом, который ломился от всяких диковинных вещей, сначала обходили стороной, однако скоро из него вынесли все, что могли, золото осело в руках бедняков, мебель раскупили его соседи, а землю забрал себе его сосед.

* * *

– Нет, коллега, вы только послушайте, – профессор Джордан листал газету: – «... Таким образом, этот небесный объект превышает в размере любой из известных нам. Он постоянно меняется, становясь то похожим на планету, то похожим на прямоугольник, то вовсе сворачивается в точку». Вы можете в такое поверить?

– Обычная желтая газетенка, – промолвил собеседник профессора, выпуская дым изо рта, – как обычно, все приукрашивают, однако это правда. Такой небесный объект есть.

– Но что же это в таком случае?

– Этого мы сказать не можем. Но оно действительно не имеет постоянной формы. И невозможно понять, какого оно размера.

– Неужели это живое существо? – удивился профессор.

– Вполне возможно, – проговорил собеседник Джордана, – но я пришел к вам не для того, чтобы обсудить желтую газетенку. Меня и людей, которых я представляю, интересует нечто иное. Я пришел к вам как к историку религии и антиквару «таинственных» вещей, которые называют оккультными.

– Что же вы хотите от меня?

В прихожей раздался звонок.

– Я хочу, чтобы вы изучили вот это.

* * *

Эпоха сменяется эпохой, и даже религии пришел конец. Человечество в большей своей массе отринulo старые верования, целиком соединившись в научном познании реальности. На месте старых храмов и огромных соборов вырастали большие университетские и институтские здания. Мрач-

ные деревенские церкви тоже были снесены, а вместо них построили общественные школы. Была отринута и религиозная литература, хотя в некоторых городах и поселках оставались почитатели ортодоксальных течений.

Именно благодаря развитию науки небольшой поселок Соулгрейв превратился в большой город. Здесь было построено множество институтов и университетов. Буквально за несколько десятилетий Соулгрейв стал одним из крупнейших научно-исследовательских центров Великобритании. Рядом находилось большое озеро, названное в честь соседнего городка, Питсфорд.

Как и многие горожане Соулгрейва, Джонатан Дот был ученым. Он занимался зоологией и ботаникой, но также преподавал физику и химию. Будучи совсем молодым человеком, а он не отпраздновал еще двадцать девятый день рождения, Джонатан пользовался большим уважением среди ученого сообщества.

Семейство Дотов было весьма известным. Долгое время они служили в кавалерии и за выслугу лет удостоились земель в Новом свете. В колониях выращивался тростниковый сахар, после чего продавался в метрополию, от чего Доты получали колоссальный заработок. Однако благословенные дни кончились, когда глава семейства Эдмунд умер, оставив своему наследнику Роджеру кучу долгов, в уплату которых земли были отданы.

Джонатан был сыном Роджера и имел еще троих братьев:

Ричарда, Генри, Джона и двух сестер: Розалин и Дженифер. Все вместе они жили в небольшом, но уютном домике почти в самом центре города Соулгрейва.

Каждый день, проводив братьев и сестер в школу, он шел в институт. В раннее утро уличные торговцы только-только начинали открывать свои лотки и магазины. Завидев знакомое лицо молодого ученого, они радостно приветствовали его. Джонатан слегка приподнимал шляпу в ответ.

В этот день, а это была третья среда одна тысяча восемьсот семьдесят четвертого года, молодой ученый вышел раньше обычного, еще до рассвета. Быстро пройдя по пустынным улицам, он появился в институте. Войдя в большое здание, он увидел группу студентов, стоящих кружком и смеющихся, и пожилого мужчину, одиноко привалившегося к стене и дремавшего.

– Чем могу быть полезен, джентльмены? – проговорил Джонатан, подойдя к молодым людям.

Дремавший мужчина, услышав голос, сразу же проснулся и, поправив костюм, подошел к молодому ученому.

– Здравствуйте, мистер Дот, – проговорил он, протягивая руку, – меня зовут Клаус Ольсен. Я археолог, но в данный момент занимаюсь палеонтологией. Это мои студенты. – Молодые люди все вместе склонили головы, Джонатан ответил тем же движением. – Полагаю, вам известно, что недалеко от Соулгрейва проводятся раскопки большого кладбища динозавров. Если бы вы знали, сколько нам удалось найти ценных

окаменелостей и останков... Но не будь последняя находка столь странной, я бы не стал вас беспокоить в столь ранний час.

– Да, конечно, я слышал о раскопках и не раз порывался сам на них съездить, однако все никак не позволяли дела. Прощу, мистер Ольсен, расскажите же, в чем дело?

– Дело в том, что, раскопав очередной участок, мы наткнулись на останки, которые не похожи ни на одни другие. Они огромные. Похожи на стволы, но это не деревья. Я приехал специально к вам как к светилу, чтобы попросить вас изучить наши находки. Полагаю, мы нашли новый вид, о котором не знали ранее.

Джонатан некоторое время пребывал в раздумьях.

– Хорошо. Я изучу ваши находки, – наконец проговорил он.

– Благодарю вас, мистер Дот, – чуть не прыгая от счастья, сказал Ольсен, – мне потребуется время, чтобы доставить окаменелости сюда. Несколько часов. Вот, кстати, документация о находках. – Ольсен протянул папку Джонатану. – Мы запечатлели все этапы на фотографиях, а также там приведены сведения о глубине раскопа, типах пород и почвы, а также о тех находках, что располагались рядом в этом же страте.

– Благодарю вас, мистер Ольсен. Это очень может помочь. Я изучу документы, пока вы со студентами доставляете окаменелость сюда.

Они пожали друг другу руки, и Клаус Ольсен вместе с группой студентов удалился. Джонатан проводил их взглядом, после чего прошел в свой кабинет. Скинув пальто, он открыл шкаф, откуда тут же извлек несколько монографий, касающихся палеонтологии, а также статьи и заметки об исследовании останков и принялся за их изучение.

Спустя четыре часа в дверь кабинета Джонатана раздался стук. Открыв дверь, он увидел запыхавшегося студента, который рассказал о том, что окаменелость доставлена.

Переодевшись, Джонатан прошел в лабораторию, где его уже ждали ассистент и мистер Ольсен.

– Вот она, мистер Дот, – улыбаясь, проговорил Клаус, – мы решили доставить вам самый первый из найденных фрагментов. Он гораздо меньше тех, что мы обнаружили недавно. Нам не хотелось ломать цельный объект, поэтому и привезли вам его.

Объект представлял из себя длинную желто-земельного цвета вытянутую фигуру, походящую более всего на червя.

– Благодарю вас, мистер Ольсен. Думаю, изучение займет некоторое время. О результатах я вам сообщу по телефону.

Отделив небольшой фрагмент от останков, Джонатан долго рассматривал его под микроскопом, затем проверял на взаимодействие с различными реактивами, сделал рентген останков и еще несколько необходимых анализов. Получив необходимую информацию, молодой ученый сел за сравнение клеточных структур находки и известных живых су-

ществ.

– Невероятно, – проговорил он спустя несколько недель работы, – это просто невероятно.

– Что вы имеете в виду, мистер Дот? – поинтересовался ассистент, убиравшийся в лаборатории.

– Я изучил строение молекул этого существа. Неожиданно оно очень хорошо реагирует с водой и как будто «оживает», – проговорил Джонатан. – Это невероятно, ведь ни одно существо не обладает такими свойствами. Но другая странность потрясает еще больше, чем эта...

– Что же это?

– Понимаете ли... У каждого вида живых существ строение молекул ДНК различается кардинально. Однако у этого существа оно совпадает со всеми. Не целиком, конечно, но некоторые участки копируются. Даже с человеком есть совпадение.

– Но как же такое может быть, профессор? – поинтересовался ассистент. – Не может ли тут быть ошибки?

– Не понимаю. Но... образцы ДНК брались у различных представителей для чистоты эксперимента. Вероятность ошибки отрицать нельзя, но она не может быть повсеместно. Из этого, пожалуй, может быть только один вывод, что это существо родственно всем видам, а следовательно, являлось одним из прародителей всего живого.

– Но... – ассистент молчал некоторое время. – В таком случае это феноменальное открытие! Перед нашими глазами

сейчас лежит прародитель всех живых видов. Об этом стоит рассказать мистеру Ольсену.

– Да-да. Позвоните ему, пожалуйста. – Джонатан протер свои красные от усталости глаза и довольно потянулся.

* * *

Джонатан стоял на трибуне и зачитывал доклад о результатах исследования. Спустя несколько недель после опубликования исследования *Tonicum vermis*¹, как его называли ученые, к молодому ученому и к мистеру Ольсену было приковано внимание общественности и прессы. На специально созванную конференцию были приглашены видные ученые со всего мира.

– В ходе исследования, – зачитывал свой доклад Джонатан, – было выявлено совпадение ДНК *tonicum vermis* и всех известных живых существ. Процентность совпадения варьируется от пятидесяти до восьмидесяти, что вполне может означать, что этот вид является прародителем всей фауны на планете, в том числе и нас, *homo sapiens*. Ареалом обитания этих существ был мировой океан. Исследования тканей показали большое количество соли внутри них, такое, какое может быть достигнуто только в океане. Ближайший родственник из ныне живых – это обычные дождевые черви,

¹ Червь Тонийский

которые под воздействием изменившегося климата уменьшились в размерах.

Договорив, он освободил место для Ольсена. Клаус рассказал о характере находки, о грунте, о глубине залегания останков. Он отметил, что по непонятным причинам останки абсолютно разных времен оказались в одном месте и что эту загадку им необходимо разгадать.

Окончив свой доклад, ученые были удостоены долгими овациями, а корреспонденты наперебой начали задавать свои вопросы.

* * *

Солнце только вставало на Соулгрейвом, освещая пустынные улицы. С северо-востока дул прохладный ветер, обещавший холодный день. Это была суббота, поэтому братья и сестры Джонатана спали. Роджер просыпался рано и по обыкновению читал газеты за чашкой утреннего кофе.

– Видел статью профессора Йеремии Бекскока? – поинтересовался он.

– О том, что к Земле приближается комета? – уточнил Джонатан, собирая походную сумку.

– Да.

– Конечно, читал. Интереснейшее явление! – восхищенно проговорил Джонатан. – Самое интересное, что, по его расчетам, она пройдет на столь близком расстоянии, что ее

можно будет наблюдать всего лишь в бинокль, а не в огромные телескопы.

– Раньше, – проговорил Роджер, – появление кометы рассматривалось как знак свыше. Предупреждение о чем-то.

– Отец, это были другие времена. Когда люди верили во что-то свыше. Но сейчас... Сейчас мы, ученые, доказали, что именно человек является венцом творения эволюции! Безусловно, есть еще белые пятна в науке, но тем не менее. Вскоре мы откроем и эти тайны, а поможет нам в этом то, что мы нашли. Представь себе, какой это шаг для науки!

– Я не могу пока оценить его важность, как и множество людей, не связанных с наукой.

– Для этого и выходит научная газета, отец, – сказал Джонатан, надевая плащ. – До скорого свидания. Вернусь через пару дней.

Перед домом уже стоял экипаж, на козлах сидел придремавший кэбмен, а лошадь переступала с ноги на ногу и нервно фыркала.

– Доброе утро, мистер Ольсен, – поздоровался Джонатан, подходя к экипажу, – погода сегодня хорошая, несмотря на холод, не правда ли?

– Доброе утро, мистер Дот, – проговорил Клаус, – да, холодно. Но это же не помещает нам?

– Ни в коем случае.

Экипаж тронулся. По пустынным улицам разносился стук подкованных копыт лошади о брусчатку. Ветер трепал лоша-

диную гриву.

– Как считаете, мистер Дот, что может скрывать наша планета в своих недрах? Я прямо чувствую, нет, уверен, что мы нашли только небольшую часть. Верхушку айсберга. Но что же там внизу?

– Не могу вам ответить. Вполне возможно, что мы ничего не найдем, а возможно, и других существ, являющихся нашими прародителями. Вермисы же явно были не одни. Интересно было бы узнать, каков их возраст.

– Абсолютно согласен с вами, – продолжил Клаус, – но способов пока для этого нет. Мы провели дендрохронологический анализ, а также анализ пород, и они показали несколько сотен миллионов лет. Остатки деревьев хорошо сохранились, поэтому, делая поправку на точность этого метода, я могу утверждать, что он точен.

– Но мои исследования показали, что червь имеет отношение и к динозаврам, являясь их предком. Поэтому оно явно древнее, но насколько? Вот в чем вопрос. И тут я, к сожалению, не смогу дать ответ. В газете писали, что химики открыли новый способ, который назвали «методом радиоуглеродного датирования», полагаю, вы видели его. Но его достоверность еще проверяется, а пока нам остается только ждать.

Они проезжали луга, на которых паслись стада коров, нервно отбивавшихся хвостами от жужжавших оводов. Среди деревьев им встречались тучные стада коз, которых пастухи перегоняли через дорогу. Их блеяние заглушало даже

завывание ветра.

Время тянулось долго. Под мерное раскачивание экипажа и его скрип Джонатан ощутил, как дремота наваливается на него всей тяжестью. Он все с большим усилием открывал веки, которые будто магнитом закрывались, а в горле поселилось удушье. Через несколько минут он заснул. Рядом, привалившись к стенке экипажа, провалился в сон и Клаус Ольсен.

Джонатан видел лишь черноту, пронизываемую светом. Он возносился высоко над землей, пробиваясь сквозь нее. Но вдруг она закончилась. Джонатан будто парил среди космических объектов, разлетающихся в разные стороны, открывая Землю его взору. Он вдруг понял, что не может вдохнуть от увиденной красоты.

На фоне черноты Вселенной, усыпанной блистающими звездами, появился некий объект, который более всего напоминал футбольный мяч. Он был антрацитово-черного цвета, и казалось, будто бы поглощал свет. «Мяч» плыл мимо Сатурна и Юпитера и как будто увеличивался в размере и изменялся в форме. Сначала из сферы появились небольшие отростки, которые вытягивались, пока он не стал похож на звезду. Объект летел напрямиком к Земле. Почти столкнувшись с ней, он остановился, а потом всеми своими отростками накрыл голубую планету, скрыв ее от взора.

Джонатан проснулся от того, что Клаус сильно толкал его. Палеонтолог был сильно взволнован.

– Проснулись наконец, мистер Дот, – запыхавшись, проговорил он, – а то я уж подумал, что у вас сердце прихватило.

– Нет, мистер Ольсен, – тяжело отозвался Джонатан, – просто сон был очень странный. Да и заснул крепко. Нам далеко еще?

– Да уж около четверти часа как приехали, – ответил Клаус, посмотрев на часы.

Джонатан открыл дверь и окинул взором территорию, где проходили раскопки. Везде стоял стук молотков и кирок. На довольно большой площади, которая простиралась на всю ширь и глубину человеческого взгляда, трудилось несколько тысяч человек. То и дело палеонтологи откапывали какие-то находки и громко оповещали об этом научных руководителей.

– Ну-с, – протянул Клаус, – пройдемте в чудесный мир находок.

Они стояли на большом холме, под которым располагался городок из бараков. Клаус провел Джонатана в одну из хижин.

– Вот. Не высший класс, конечно, но как временное жилье вполне подходит. Ночами хоть не так холодно, как снаружи, – проговорил, усмехнувшись, мистер Ольсен.

Они сложили свои вещи. Клаус провел Джонатана к столу, на котором располагалась карта раскопок. В некоторых местах располагались отметки, где были найдены останки тонийских червей.

– Желаете перекусить или сразу двинемся на место? Мне не терпится показать вам место, где мы нашли их.

– Пожалуй, еда может и подождать, – улыбнувшись, проговорил Джонатан.

Проходя меж глубоких ям, они видели, как палеонтологи обмечают скелеты динозавров, открывая взорам идеально сохранившиеся окаменелости и скелеты древних созданий.

– Идеальная сохранность, – констатировал Джонатан, – поразительно.

– Да, это поразительно. Здесь, под слоем чернозема, нескончаемые слои глины, под которыми эти останки прекрасно сохранились. Если двинуться ближе к Нортгемптону, то ее слой сильно истончается, а если на север, то и вовсе пропадает. Это место уникально.

Они проходили мимо ямы, где ученые изымали из грунта огромного окаменевшего червя. Его тело было настолько большим, что скорее походило на поваленный ствол какого-то исполинского дерева, нежели на живое существо. Джонатан спустился вниз, чтобы получше разглядеть находку. Червь не был откопан целиком, однако даже в таком состоянии был больше Джонатана, вставшего на цыпочки.

– Это впечатляющие находки, мистер Ольсен. Вы понимаете, насколько огромными могли быть эти существа? Невероятно.

Ученые продолжали копать, пытаясь найти начало или конец червя, однако это оказалось непросто. Несколько ям, на-

ходившихся на приличном отдалении друг от друга, были связаны проходами, сквозь которые тянулось тело.

Джонатан шел вдоль червя, подходя к палеонтологам, которые только-только отыскиали конец «Великого червя».

– Это самый большой экземпляр из всех, что мы нашли. Самый длинный. Самый большой, – говорили они.

В несколько лопат они выкопали углубление в земле, спустившись под огромного червя. Джонатан вытащил из кармана рулетку и стал замерять размеры окаменевшего тела. Вдвоем с Ольсеном они измерили его длину.

– Три метра в диаметре. Можете представить себе это, мистер Дот? И более пятидесяти в длину. Представьте, какую дрожь они создавали, когда передвигались.

Джонатан стоял в задумчивости и рассматривал продолговатое тело.

– А передвигались ли? – неожиданно для палеонтолога скептически проговорил он. – Посудите, мистер Ольсен, сами. Если этот вид являлся предком всего сущего, то как они оказались вместе с динозаврами в одном слое? Как могут останки, между которыми бесконечность, оказаться в одном месте?

Клаус Ольсен задумчиво накручивал на палец объемную бороду. Джонатан скрестил руки на груди и тоже погрузился в раздумья, облокотившись на тело «Великого червя». Вокруг продолжались раскопки. Из соседней ямы слышались удары кирок и молотков. Неожиданно стук прекратился, и

голос молодого палеонтолога возвестил Ольсена и Дота о новой находке.

* * *

Солнце уже давно скрылось за горизонтом. С наступлением темноты на Соулгрейв спустились облака и полил крупный дождь, началась гроза, поднялся сильный ветер, ломающий деревья и отрывающий металлические лавки в парках.

Несмотря на это, в институте царило приподнятое настроение. Лаборанты вместе с научным руководителем Джонатаном Дотом проводили исследования существа, найденного на раскопках. Это был небольшой окаменевший комок черного цвета с отходящими от него лапами-щупальцами.

В ожидании результатов исследований прошло несколько дней. Джонатан не покидал пределов института, ночуя в своем кабинете, привалившись в кресле. Клаус тоже не покидал коллегу и всячески помогал ему и его лаборантам.

После рабочей недели все были сильно измотаны. Результаты исследований требовали правильного толкования, поэтому ученые отложили это дело на следующую неделю и наконец разошлись по домам, где в течение двух дней отсыпались.

В обсуждении результатов и вторичных исследованиях прошло несколько месяцев. Клаус уехал на раскопки, условившись с Джонатаном встретиться, когда будет готов от-

чет об исследованиях. Весь институт гудел как улей. Джонатан организовал массовое изучение осьминогообразного существа с раскопок. Через несколько месяцев исследования необычной находки у него на столе собралась большая кипа документов от специалистов из различных областей науки, среди которых присутствовали и нобелевские лауреаты.

– Невероятно, коллега, – Клаус Ольсен, приехавший сразу же после письма Джонатана, внимательно слушал его, – просто невероятно. Мистер Ольсен, мы провели исследования, какие только могли, и результаты просто поражают. Это маленькое существо имеет прямое отношение к нашим тонийским червям! Несмотря на различие во внешнем виде, они являются родственниками. Вы можете в это поверить? Более того. Судя по всему, это маленькое существо не является безжизненной окаменелостью, а вполне живым. По данным исследований, оно находится в состоянии анабиоза, но если поместить его в водную среду и дать впитать воду, то, вполне возможно, мы сможем лицезреть воскрешение существа, которому много миллионов лет. Без вас и вашего согласия я не решился проводить это исследование, но, если вы согласны, то можем приступить хоть сейчас.

– Конечно, – радостно воскликнул Клаус, – конечно, мистер Дот! Я с радостью буду ассистировать вам и наблюдать за этим процессом.

Для проведения эксперимента была выбрана лаборатория, где испытывают взрывчатые вещества и где помеще-

ние имеет толстые стены и стекло, с целью недопущения каких-либо эксцессов. Внутри был установлен четырехсотлитровый аквариум, наполненный водой, в которую было помещено осьминогообразное существо.

Спустя минуту водяная гладь успокоилась и не подавала признаков движения. Однако через четверть часа от погруженного существа вверх побежала тонкая линия маленьких пузырьков. Еще через четверть часа один из ассистентов Джонатана заметил, что уровень воды в аквариуме понизился. Пузыри становились все больше. Неожиданно на теле существа открылся глаз. Он осматривался вокруг, а потом уставился прямо на смотровое окно, откуда смотрели за процессом ученые. Глаз имел зрачок абсолютно черного цвета, а то место, где у животных находится белок, было такого цвета, который находится вне человеческого спектра, каждым наблюдавшим за процессом он воспринимался по-своему и постоянно переливался, становясь то коричневым, то желтым, то черным. Тем временем существо все отчетливее увеличивалось в размере. Уровень воды уже упал на треть. Существо раскрыло еще несколько глаз по всему телу, в том числе и на лапах-щупальцах. Оно все отчетливее начинало шевелить ими, будто разминая. Из присосок, расположенных на внутренней части лап этого существа, вылезли длинные жала, но затем спрятались обратно.

– Видели это, мистер Дот? – восторженно произнес Клаус.

– Да. Видимо, оно использовало эти жала для захвата и

удержания жертвы, – пояснил Джонатан.

Аквариум опустел больше чем наполовину. Существо увеличилось настолько, что перестало в нем помещаться. У него появилось несколько новых щупалец, которых не было. Существо продолжало пить воду, пока она не закончилась. Оно некоторое время сидело, шевеля щупальцами. Затем выбило крышку аквариума и, запрокинув щупальца на край стекла, стало выбираться. Оказавшись на столе, существо подползло к краю и уставилось в окно, откуда на него смотрели ученые. Сжавшись в комок, а затем резко оттолкнувшись, оно присосалось к стеклу, демонстрируя свой рот, усеянный несколькими рядами острых зубов, а затем выпустило жала, которые откололи небольшой кусочек стекла. Подобный маневр повторился несколько раз.

– Оно же не выберется? – испуганно спросил Клаус.

– Нет. Здесь почти пятнадцать сантиметров стекла. Оно не сможет его пробить, – успокаивал его Джонатан.

Но существо снова сжалось в комок, а потом прыгнуло с такой силой, что пробило защитное стекло и ухватило за Клауса. Выпустив жала, оно забралось ему на голову, которая скрылась внутри рта. Джонатан испуганно искал что-то глазами, ассистенты застыли в ужасе.

Клаус некоторое время бился в корчах, пытаясь оторвать от себя существо, но вскоре затих. Джонатан рванулся к стойке с реактивами и, взяв жидкий азот, окатил им существо. Оно покрылось ледяной коркой и замерло. Джонатан

схватил его и попытался оторвать от головы Клауса, но заметил, что головы уже не было. Он поместил существо в сосуд с азотом и крепко закрутил вентиль бака. Затем, обернувшись, Джонатан посмотрел на своего коллегу, лишившегося жизни.

На полу лаборатории лежало тело Клауса Ольсена. Вокруг растекалось большое кровавое пятно, выделяя осколки выбитого стекла.

* * *

Несколько дней подряд в городе газеты трубили о зверском убийстве известного палеонтолога Клауса Ольсена. Журналисты обвиняли во всем Джонатана и его смертоносный эксперимент. Возвращаясь домой из полицейского участка, он ловил на себе испуганные взгляды знакомых.

Его семья, ожидавшая его освобождения и не верящая новостям газет, радостно встретила его и сразу же обрушила шквал вопросов.

– Нет, – тихо бормотал Джонатан, – нет, все было по-другому... Это все то существо, с раскопок. Это оно его убило. Черное и смертоносное.

Ученый дрожал, у него были все признаки гипертермии. Его уложили на кровать. Коснувшись подушки, он мгновенно заснул.

Спустя несколько часов Джонатан проснулся, но был явно

не в себе. Он бегал по комнате и, яростно крича, приказывал кому-то замолчать. Когда к нему кто-то заходил, ученый, более походивший сейчас на сумасшедшего, выталкивал того из комнаты.

Роджер пытался силой привести сына в чувство, однако у того был сильнейший спазм мышц рук, поэтому каждое касание еще сильнее выводило Джонатана, наполняя его глаза болью и первобытным ужасом. На крики, доносившиеся из комнаты и окон дома, сбежались соседи и полиция, которую предусмотрительно вызвали. Служители закона попытались скрутить безумного ученого, но смогли это сделать, только когда повалили его на пол и заломили руки. Джонатан душевраздирающе кричал.

Вызвали медицинскую бригаду, которая приехала через несколько минут. Внимательно осмотрев ученого, они вкололи ему успокоительное и, погрузив обмякшее тело в свой экипаж, уехали.

* * *

Со времени сумасшествия Джонатана прошло несколько недель. Доты старались не показываться на улицах, так как газеты все еще трубили о трагической кончине Клауса Ольсена.

Над Соулгрейвом уже три дня висели тучи и шел проливной дождь. От нескончаемого потока воды Питсфордское

озеро вышло из берегов и затопило город, в честь которого было названо. Власти эвакуировали оттуда людей в Соул-грейв.

Роджер сидел у камина, глядя на огонь. На его коленях лежала газета, в которой рассказывалось о приближении кометы, которой дали название в честь углеродного астероида – Аврелия. В руке он держал стакан, а на подставке рядом креслом стояла откупоренная бутылка дорогого виски. Дождь барабанил по стеклам, а дрова в камине уютно потрескивали. В другой руке Роджер держал небольшой медальон. Из раскрытого медальона на него смотрело лицо молодой девушки с длинными каштановыми волосами, правильными чертами лица и зелеными глазами. Несколько мгновений – и из глаз Роджера побежали слезы, а руки затряслись.

– Почему ты ушла так рано? – тихо прошептал он, бросив стакан и схватившись за голову.

Некоторое время он что-то шептал фотографии девушки в медальоне, будто разговаривая с ней. Затем повисла давящая тишина, нарушаемая лишь треском дров и стуком дождя в окна. Роджер закрыл медальон и, надев его на себя, снова стал смотреть в огонь.

Неожиданно в дверь раздался стук. Открыв дверь, глава семейства увидел Джонатана. Его лицо было мертвенно бледным, под глазами были большие мешки, а белки стали красными от выступивших капилляров.

– Здравствуй, отец, – тихо проговорил он.

Роджер обнял сына, несмотря на его абсолютно мокрую одежду.

– Меня отпустили... Сказали, что через пару дней вернусь в нормальное состояние.

Его речь была томной. В свете фонарей Роджер увидел зрачки, занимавшие почти весь глаз. Он заставил сына переодеться и выпить горячего чая и уложил в постель. Через некоторое время у Джонатана начался озноб и поднялась температура.

* * *

Уже несколько дней не утихал шум по поводу кражи какой-то вещи из Соулгрейвского биологического института. Никто не знал, что именно пропало, да и пропало ли вообще. Была обнаружена вскрытая дверь и следы на мраморном полу. Желтая пресса сразу же вывела из этого какую-то несуразную теорию.

Все это не волновало только профессора Келлинга. Его экипаж мерно приближался к большому древнему особняку, который выглядел зловеще в ночном свете грозы. Несмотря на мрачный вид, он имел длинную и счастливую историю. Построенный в конце шестнадцатого века одним дворянином, а затем множество раз перестроенный его потомками. Владельцы были добрыми людьми и часто устраивали празднества, на которые сходилась весь народ со всей округи, раз-

давали милостыню и устраивали кормления бедных. В начале девятнадцатого века этот дом выставили на аукцион, где его купил Джордан Келлинг.

Нескончаемый дождь продолжал заливать дорогу так, что лошадь иногда с трудом отрывала копыта от влажной земли. Джордан жадно сжимал в руках металлический сосуд, стараясь раскачивать его меньше, чем раскачивался экипаж.

Наконец копыта застучали по брусчатке, и лошадь пошла бодрее. Объехав фонтан, экипаж остановился у лестницы, где уже стоял швейцар с зонтом. Джордан стрелой взбежал вверх.

– Можешь быть свободен, – взволнованно проговорил профессор Келлинг. – У меня будет долгая ночь.

Швейцар поблагодарил хозяина и удалился. Джордан скинул насквозь мокрый плащ и пиджак, оставив их в холле. Затем он обошел резную дубовую лестницу, находившуюся напротив дверей справа и, отперев боковую дверь, стал спускаться вниз.

В подвальном помещении была оборудована библиотека и небольшая лаборатория. По стенам были развешаны вырванные страницы, содержащие записи на непонятном языке. На столе лежали книги в древних ветхих кожаных переплетах. Они были испещрены таинственными знаками и символами, которые складывались в рисунки.

Спустившись, профессор скинул со стола часть книг и на их место поставил металлический сосуд. Джордан вытащил

из кармана часы на цепочке и посмотрел время.

– Еще рано, – тихо прошептал он и уселся в кресло, стоявшее в углу.

* * *

Джонатан проснулся днем. С трудом поднявшись, он посмотрел на себя в зеркало. Оттуда на него смотрел молодой человек неопрятного вида с длинной колючей щетиной и растрепанными сальными волосами.

За окном по-прежнему шел дождь, иногда освещаемый вспышками грозы. Вода струилась по улицам бурными потоками, мешавшими людям передвигаться, поэтому большинство сидело по домам.

Джонатан умылся и привел себя в порядок. Побрившись и причесавшись, он вышел к родным, которые сидели на кухне и завтракали. Увидев брата, братья и сестры бросились его обнимать. Роджер радостно улыбался, затем подошел и протянул сыну руку.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил он.

– Гораздо лучше, чем несколько дней назад. Но есть хочется очень сильно.

Его усадили за стол и принялись откармливать.

– Скажи, как ученый, когда кончится этот ливень? – проговорил Роджер, глядя в окно. – Льет уже почти месяц. Питсфорд затопило.

– Никогда такого не было, – ответил, прожевав, Джонатан, – но кончится рано или поздно. Я давно не был в институте. Поэтому ничего конкретного не скажу.

* * *

– Вот и вы. Наконец-то! – взволнованно проговорил профессор Келлинг, впуская в холл группу людей в черных плащах. – Я жду вас со вчерашнего вечера.

– Дороги размыло, профессор, – проговорил один из вошедших.

Это был человек средних лет с большой окладистой бородой, темными волосами и карими глазами.

– Вы нашли? – проговорил он.

– Да. Все готово, – голос профессора дрожал. – Прошу вас, джентльмены, следуйте за мной.

Он провел их мимо лестницы, ведущей на второй этаж особняка, и, отперев боковую дверь, повел в подвальное помещение.

На столе по-прежнему стоял металлический сосуд. Вокруг стола мелом был нарисован круг, который был расписан неизвестными письменами. Джордан извлек из внутреннего кармана жилета скомканный комок бумаги.

– Прошу вас, – указал он на стол, – встаньте вокруг.

Вошедшие, среди которых было несколько политиков и знаменитых ученых, а также композиторов и писателей,

встали вокруг стола. Джордан взялся за вентиль сосуда и начал его откручивать. Открыв его, он сделал несколько шагов назад и встал на колени на нарисованный мелом круглый объект.

Некоторое время из сосуда поднимался пар от тающего льда, а в помещении царила тишина. Но через несколько мгновений, внутри началось какое-то шевеление и треск льда, а также какие-то звуки. По прошествии нескольких минут из сосуда раздался дикий, душераздирающий крик, непохожий ни на один крик земного существа. Оттуда появилось сначала одно черное щупальце, потом второе, затем появилось тело того, что скрывалось внутри.

Люди в черных плащах начали произносить непонятные звуки, в которых невозможно было отличить глазные от согласных, и напевать заунывную мелодию.

Существо выбралось из сосуда и оказалось на столе. Быстрым движением щупальца оно откинуло его так, что он ударился о стену, оставив большую вмятину. Осминогообразное существо обвело всех присутствовавших взглядом многих глаз. Из щупалец его появлялись жала и тут же скрывались обратно. Оно сидело и перебирало всеми своими конечностями, будто ожидая чего-то.

Культисты продолжали свои заунывные чтения. Неожиданно существо бросилось на одного из них и резким движением щупалец свернуло шею, после чего принялось поглощать. Однако чтение мантр продолжалось. Культисты не

трогались с места, хотя по побледневшим лицам было видно, что они испытывают животный страх. Насытившись одним, существо так же напрыгнуло на другого. По мере поглощения было видно, что оно увеличивается в размерах, а длина щупалец и высота головы быстро растут.

После потери второго члена круга служители культа забеспокоились, и на секунду мантры прекратились. Однако в это время существо издало злобный рык и бросилось на оставшихся, которые стали отходить к лестнице. На месте оставался лишь Джордан Келлинг и продолжал читать мантры.

Закончив поглощение всех испугавшихся служителей культа, осьминогообразное существо, выросшее до трех метров в высоту, нависло над профессором, который неотрывно произносил невнятные слова и звуки, непохожие ни на что земное.

Спустя несколько часов он прекратил читать и открыл глаза. На него смотрело несколько десятков злых глаз. Существо будто размышляло над чем-то. Его щупальца поднимались и опускались, скрывались внутри тела и снова отрастали в другом месте. Затем их движение остановилось, и из тела существа появилось еще одно, меньшее по размеру и принявшее вид ладони.

– Благодарю, – прошептал Джордан.

Он протянул руку и взялся за протянутую «ладонь». Весь свет померк. Джордан как будто бы начал возноситься над

землей, все дальше удаляясь от нее. Он видел, как приближаются мириады звезд, к которым так хотел попасть. Существо пронесло его сквозь множество миров, показав невообразимые формы жизни, планеты, населенные живыми океанами, потухнувшие солнца и миры, от которых остались лишь горстки астероидов.

По возвращении на Землю в комнате царило молчание.

– Невероятно. Это просто невероятно... – проговорил Джордан за секунду до того, как высившееся перед ним существо свернуло ему шею.

Поглотив его, оно выползло из подвального помещения, а затем и из особняка. Оказавшись под струящимся дождем, осьминогообразное существо издало злобный рык.

* * *

Дождь наконец-то закончился, и выглянуло солнце. Люди стали потихоньку выходить из своих домов, возвращаясь к обычной жизни, бывшей до потопа. Снова начали открываться временные лавочки, закрывшиеся с началом бури, даже знаменитый Соулгрейвский рынок вновь раскрыл свои товары для покупателей.

Все семейство Дотов вышло на прогулку. Дети резвились со своими сверстниками, которых не видели столько времени и по которым очень соскучились. Они весело бегали по улице и дружно прыгали по огромным лужам.

Взрослые ходили по тротуарам, разглядывали товары и просто общались с соседями. Все были рады солнцу, которое выглянуло после дождя, столь долгого даже для Туманного Альбиона.

– Что же с тобой тогда произошло? – спросил неожиданно Роджер.

– Не знаю. Не могу это рационально объяснить. Просто голос. Голос, появившийся в голове.

– А что он говорил?

– Не могу ответить. Это был... набор звуков. Я даже не могу сказать, было ли это что-то связное. Но звучал он очень неестественно. Будто замогильный. От одного его звучания бросало в холодный липкий пот.

– Рад, что все это осталось в прошлом. Твои братья и сестры очень испугались за тебя. Несколько ночей заснуть не могли.

Они проходили мимо института, который был обложен мешками с песком. Рядом проходил газетчик, активно продвигавший желтую прессу.

– Возьмем одну, – проговорил Роджер.

– Ни в коем случае, – сурово ответил Джонатан. – В этих газетах пишут полнейшую чушь! А если правда и попадается, то это чистая случайность. Пойдем лучше в парк.

Весеннее солнце сильно пригревало, и среди деревьев стоял запах размокшего дерева и испаряющейся воды. В парке было душно. Они вышли на дорожку, которая шла ми-

мо фонтанов и выходила к озеру, которое сильно разлилось, но благодаря оттоку, не затопило округу. Вокруг него гуляло множество народу, дети пускали самодельные кораблики, взрослые кормили уток, гусей и голубей. На многих лавочках расположились пожилые дамы и джентльмены, читающие газеты, а также молодые люди с детьми.

Расположившись на краю скамейки, Роджер вынул из внутреннего кармана утреннюю газету, которую каждый день приносили к двери. Джонатан подошел к самой воде и, кинув сухарик подплывшей утке, уставился в илистое дно.

– Да-а, – проговорил он, обернувшись к отцу, – раньше здесь была чистейшая вода. Внутри бьют подземные источники. А сейчас озеро в мусоре все. Видимо, придется не один месяц очищать его. Здесь раньше росли редкие *Nymphaea alba*². Жаль, что пропадут, – в его голосе чувствовались горечь и грусть.

Роджер увлеченно читал газету, будто бы не слыша слова сына.

– Послушай, – довольно резко сказал он, – «Сегодня вечером, после заката, комета Аврелия пройдет на рекордно близком расстоянии. Наблюдать порождение космоса можно будет невооруженным глазом, а отчетливо рассмотреть в бинокль...».

Джонатан достал из кармана жилетки часы и посмотрел на время.

² Кувшинка белая

– До заката еще примерно два часа. Есть время найти удобное место.

– Погоди. Я не дочитал. «...Так же, в довесок к заявлению профессора Бекскока, французские ученые из всемирно почитаемого *Centre National d'Études Spatiales*³ заявили, что именно сегодня Луна пройдет мимо Солнца, затмив его на некоторое время...» Удивительно, не так ли? Комета и солнечное затмение, которое смогли вычислить только сегодня. Удивительное стечение обстоятельств, не находишь?

Джонатан некоторое время размышлял над прочитанным. Потом взял у отца газету и сам пробежался глазами по тексту.

– Странно, конечно, – наконец проговорил он, – но разные ситуации бывают. Однако это возможность увидеть два редких астрономических явления за один день. Отец, такой шанс один на многие миллионы. Поэтому предлагаю занять место поудобнее.

Джонатан указал на открытую поляну, на которую уже сходились люди. Собрав младших братьев и сестер, Джонатан вместе с Роджером расположились на земле, поближе к деревьям, что полукругом лужок.

Затмение началось, как и обещали ученые из газет. Большое темное пятно появилось на краю большого оранжевого круга, который все явственнее клонился горизонту, и начало двигаться к противоположному его концу. Свет померк. Все

³ Национальный центр космических исследований

собравшиеся пристально уставились в небо в заранее припасенные бинокли, ожидая появления кометы. Однако спустя полчаса на небе не было видно ничего. Кто-то заметил, что прошло уже достаточно времени, а затмение все еще не кончилось. Среди толпы пробежал нервный ропот.

Неожиданно включилось уличное освящение, которое включалось, когда на город опускалась тьма. Люди собрались у фонарей, отбрасывающих большие светлые ореолы. Они были единственными источниками света среди всей наступившей крошечной темноты. Вдали у озера раздался громкий булькающий звук, как будто что-то большое и тяжелое упало в воду. Затем еще раз и еще. Люди в страхе жались к фонарным столбам, стараясь спрятаться за спинами других.

Всплески воды все продолжались, становясь все более массовыми, как будто в озеро ссыпали гравий. Таинственные звуки из крошечной темноты порождали в людях животный страх, заставляя их в панике метаться.

Вся семья Дотов оказалась около самого столба, скрытая множеством спин от неведомых звуков, гул которых все нарастал.

Но вдруг звуки падений закончились, так же неожиданно, как и начались. Наступила давящая душная тишина, когда каждый боялся сделать лишний вдох, лишь бы не нарушить ее царящее величие. Некоторое время спустя со стороны озера донесся непонятный звук, не походивший ни на что. Услышав его, Джонатан вскрикнул от боли и, упав, забился

в судорогах. Толпа мгновенно отшатнулась в непроглядную темноту, но, осознав это, стала возвращаться в ореол света. Джонатан некоторое время дергался, но затем затих. Роджер померил ему пульс и констатировал, что его сын потерял сознание.

Время шло. Некоторые стали шаг за шагом прощупывать округу, выходя все дальше и дальше от световых колец. Увидев, что темнота не несет угрозы, за ними двинулись все. Они перемещались от фонаря к фонарю, продвигаясь к городу, где освящение было на каждой улице. Продвигаясь, люди, несмотря на убеждение, что темнота не несет никакой опасности, старались как можно меньше находиться в темноте.

* * *

Люди продолжали сидеть в домах. С момента воцарения тьмы прошла неделя. Город будто бы замер в каком-то непонятном состоянии, став похожим на призрак. Редкие люди на улицах походили на пугающие отголоски прошлого. Кругом был один мрак, рассеиваемый лишь светом уличных фонарей.

Немногие торговцы решились продолжать торговлю, обеспечивая жителей едой и всем необходимым. Для предупреждения мародерства и грабежей город усиленно патрулировался сотрудниками полиции.

Часы на ратуше пробили восемь утра, а вслед за ними зазвонил и будильник домашних часов. За окнами по-прежнему было темно, и ничто не предвещало наступления света. В обычные дни улицы уже наполнились людьми, спешащими на работу. Редкие прохожие говорили, что от таинственной темноты веет страхом и холодом.

Роджер суетился вокруг так и не пришедшего в себя сына. У Джонатана периодически начинались судороги. Его руки неестественно выгибались, изо рта шла пена, а зрачки при закрытых веках невероятно расширялись. Несколько раз Доты пытались вызвать врачей из больницы, однако им отказывали.

Неожиданно Джонатан пришел в себя, но вместо каких-то слов он смог издать лишь душераздирающий крик и схватиться за голову. Его рев продолжался несколько минут, после чего ученый снова впал в забытье.

* * *

Прошло еще три дня. Среди жителей города нарастало гневное непонимание. Соседи все чаще начинали ругать власть за то, что она никак не освещает происходящие события и не дает никаких объяснений. Также замолчала и пресса. Радиоловители, державшие самодельные станции, и даже правительственные радисты, сидевшие в ратуше, не смогли пробиться в эфир. Везде были лишь шумы и невнятные зву-

ки.

Джонатан больше не приходил в себя. У него началась лихорадка. Несмотря на страх, Роджер пошел к знакомому врачу и практически силой привел его, не взирая на протесты последнего и ко всеобщей радости семьи. Доктор несколько раз мерил температуру, осматривал горло, щупал пульс, наблюдал реакцию зрачков.

– Ну? Что с ним? – взволнованно произнес Роджер.

– Сложно сказать однозначно, – озадаченно ответил доктор, потирая затылок. – Симптомы похожи на различные заболевания. Могу сказать точно только одно. Его сознание далеко за пределами нашего понимания. Он постоянно водит глазами, будто ищет что-то, но веки его закрыты. Также могу сказать, что с большой долей вероятности все это связано с недавним приступом.

– Но... Что же нам делать?

– Не допускать переохлаждений, укутать его и ждать, пока все кончится. Вот все, чем я могу помочь. А теперь, прошу вас, проводите меня обратно, мистер Дот.

Ночью в городе появились листовки, призывающие всех собраться на площади перед ратушей. Ситуация в городе накалялась ужасающими темпами. В немногочисленных магазинах закончилась еда и предметы первой необходимости. Несмотря на все расспросы, полицейские отвечали, что ничего не знают. Жители отмечали участившиеся случаи воровства и требовали правосудия. Полисмены, те немногие,

кто продолжили нести службу, были атакованы жалобами и требованиями восстановить порядок, но, несмотря на все усилия, они мало что могли предпринять. Люди становились злее, начались нападения на правоохранителей и массовые избиения жителей. Чтобы обеспечить хоть видимость порядка, все силы полиции собрались в центре, где продолжали нести службу.

* * *

Следующий день возвестил топот и крик толпы. Роджер, задремавший после нескольких дней без сна, проснулся и подошел к окну второго этажа. Он наблюдал процессию людей, шедших к ратуше, вооруженных и с факелами. Глава семейства крутил в руке медальон. Когда часы пробили восемь, он открыл его и снова взглянул на девушку, смотревшую на него изнутри. Роджер смотрел на ее портрет, его глаза наливались кровью, и, еле сдерживая себя, он вспоминал моменты, прекрасные моменты юности, времена встреч и романтических прогулок по скверам, паркам, поездки в Аскот, Лондон, Дерби, путешествия на корабле вокруг Европы и поездки в Америку.

Обычно, возвращаясь в реальность, он слышал рокот будильника, но не в этот раз. Роджер очнулся в темном помещении, что было домом для него и его семьи долгие годы, рядом спали голодные дети, на кровати лежал без сознания

Джонатан, а за окном продолжалось факельное шествие, которое предвещало погромы и пожары.

Перед ратушей оставшиеся на службе полисмены и сотрудники Скотленд-ярда выставили заслон и наспех соорудили баррикаду. Но шествие не остановили ни полиция, ни преграда, ни револьверы, направленные в их сторону. Выстрелы в воздух и приказы расходиться ненадолго остановили толпу. На некоторое время в воздухе повисла тишина. Но затем в сторону правоохранителей оказалось направлено несколько сотен револьверов, и угрозы стали обоюдными. Толпа стояла перед баррикадой, не желая лезть напролом, но и не имея намерений расходиться. Правоохранители же защищали ратушу, которая к этому моменту уже оказалась пуста.

Неожиданно Джонатан вдруг зашевелился. Роджер оторвался от происходящего на улице и резко обернулся к сыну. Тот по-прежнему лежал в бессознательном состоянии, но иногда шевелил рукой, пытаясь поднять ее, будто она была невыносимо тяжелой.

– Джонатан... – тихо проговорил Роджер.

Джонатан тихо простонал. Роджер со слезами на глазах улыбнулся. На улицах разнеслось эхо от хлопка, а потом протяжный крик толпы.

– Началось... – сказал Роджер.

От последующих хлопков проснулись дети и подбежали к окну, чтобы узнать, что происходит. Роджер повалил их на

пол в тот момент, когда окно пробила револьверная пуля.

В городе начался хаос.

* * *

Несколько дней безумная толпа, управляемая фанатиками, грабила город. Многие сводили личные счеты, просто забирали то, что нравится, насиловали. Полиция исчезла. Роджер вывел всю семью через черный ход и спрятал их в коюшне, что была в нескольких кварталах от их дома.

Затем он вернулся за Джонатаном, который так и не вернулся в реальность и лежал в кровати. Оказавшись в доме, Роджер застал сына у открытого настежь окна, в которое тот неотрывно смотрел.

– Джонатан? – тихо окликнул его отец.

Ученый не реагировал на голос. Роджер аккуратно положил руку ему на плечо и повернул. Увиденное его ужаснуло и заставило несколько отступить. Лицо Джонатана было настолько неестественно искажено уродливой улыбкой, что сложно было опознать в нем того симпатичного молодого человека, что работал в институте. Уголки его рта были разрезаны ножом, который он держал в руках, изо рта капала кровь и слюна, глаза его были навыкате и абсолютно безумны. На всем теле его были порезы. Роджер взглянул в окно и увидел нечто, что напоминало клокочущую массу клеток черного цвета. Во все стороны смотрело по несколько

сотен глаз. Существо имело множество отростков, которые то появлялись, то исчезали, становясь частью большого тела. На одном из них открылся глаз внеземного цвета и смотрел сквозь окно на Роджера. Существо издало какой-то протяжный звук, похожий на крик и вопль. Джонатан, сжимая в руке нож, двинулся на Роджера.

– Что? Что ты делаешь? Джонатан! Это же я, твой... – но договорить он не смог из-за торчавшего в шее ножа.

Роджер, хрипя, схватился за шею. Оседая, он резко выдернул клинок, из раны тут же потекла алая кровь. Существо за окном заколебалось так, что затрясся дом, а затем издало свой голос. Джонатан подошел к окну. Существо коснулось его отростком. Молодой человек как будто пробудился от долгого сна. Он увидел лежащего в луже крови отца, сжимавшего проткнутое горло.

Джонатан подбежал к нему и, упав на колени, приподнял его голову. Роджер оторвал одну руку от шеи и коснулся ею лица сына.

– Джонатан, дети... – прохрипел он. Затем Роджер перестал осмысленно смотреть и дышать.

Джонатан разразился слезами и испустил чудовищный вопль отчаянья.

Существо начало пульсировать, сотрясая дом. С улиц доносились непонятные крики, скулеж и плач, которые вернули Джонатана в реальность. Он положил отца на пол, а сам выбежал из дома через черный ход.

Выбежав на улицу и осмотревшись, Джонатан увидел страшную картину. Из крошечной тьмы сверху на город смотрел огромный оранжево-желтый глаз. Сверху спускалось множество щупалец, которые утаскивали наверх замешкавшихся людей. Со стороны озера шли бесформенные существа, поглощающие всех живых созданий на своем пути. Множество из них уже бродили по улицам, выискивая себе жертв. Исполинские щупальца, опускавшиеся «с небес», выхватывали целые куски домов и также утаскивали их наверх. Город уже к этому времени походил на некрополь. С детства Джонатан знал, где необходимо прятаться, если что-то случится, поэтому он пробирался к конюшне. Несколько раз он прятался в нишах для окон цокольных этажей от бесформенных существ.

Любые звуки, кроме звуков разрушения, стихли. Существа перемещались, издавая лишь отвратительное чавканье. Город наполнился отвратительным запахом гниения и разложения.

Уже перестав прятаться, Джонатан бежал к конюшне, собирая озлобленные взгляды бесформенных существ, которые занялись поглощением флоры. Они по какой-то причине не нападали на ученого.

Когда заветное здание появилось из-за угла, лицо Джонатана озарила улыбка. Он, задыхаясь, остановился перевести дух. Увидев его, дети обрадовались. Его младший брат, Джон, выбежал на встречу. В момент земля задрожала, за-

шевелилась и начала подниматься над небольшим загоном перед конюшней. Из-под земли возникло черное существо с глазами внеземных цветов.

– Нет! Нет! – яростно вскричал Джонатан, когда его младший брат исчез внутри этого исполина. Затем оно поглотило и остальных. Джонатан осел. Существо снова сотрясло землю и подползло к нему. Оно коснулось его головы, но он оттолкнул щупальце и устремился напрямик во мрак.

Некоторое время он блуждал в забытьи. Мимо проносились существа и щупальца, поглощая все вокруг. У него на глазах небольшая группа людей, молившая о помощи, была поглощена «черным небом», а кот, отчаянно хватавшийся за кирпичные стены и черепицу крыш, воскрешенным существом.

Неведомо как он дошел до парка, где на город спустилась «тьма». Где-то в развалинах он нашел фонарь, который давал небольшой круг света. Парковые светильники погасли еще тогда, когда начались погромы, поэтому лампа была единственным источником света. Вокруг нависла полная тишина. Джонатан упал на колени и, закрыв лицо руками, заплакал.

Над ним высилось то, что было его и Ольсена находкой. Оно смотрело на него всеми своими глазами, постоянно меняясь и бурля. Джонатан, ощутив его присутствие, поднял глаза. Существо коснулось его плеча щупальцем.

Джонатан начал возноситься в небеса сквозь облака и «черное небо» в космос. Он отлетал все дальше и дальше. В черноте космоса его взору открылась страшная картина. Голубой шар оплетало огромными отростками исполинских размеров существо. Земля медленно скрывалась за его туловищем, и ее свечение становилось все тусклее.

Вскоре исполинское черное существо оставило голубой шар и улетело в черноту. Джонатан как будто вернулся на землю. Он видел абсолютно голый камень, который омывал бескрайний синий океан, будто стоя на берегу. Затем несколько бесформенных существ вошло в воду. Джонатан ощутил чье-то присутствие. Рядом стояло огромное черное существо, вращающее всеми глазами. Затем Джонатан увидел, как проносятся многие миллионы лет, как голый камень покрывается растительностью, как стоящее рядом существо уменьшается в размере и как из воды выходят новые создания. Он наблюдал, как они развиваются, как из них образуется новая столь непохожая на своих создателей раса, как она расселяется по планете и как, развившись до невысказанных пределов, извлекает из земли маленькое черное осьминогообразное существо.

Джонатан вернулся в свое тело. Черное существо скрылось. Ученый сидел в кругу света, испускаемого фонарем, и

горько плакал. Вокруг открывались тысячи глаз неземного цвета. К фонарю протянулось длинное щупальце и скомкало его. Последний свет исчез.